

4. Táto báseň neskôr zaujala Mikuláša Schneidera-Trnavského. Ten ju zhudobnil a stala sa piesňou spievanou v chrámoch.
5. Uverejňoval práce v Amerikánsko-slovenských novinách.
6. Pri tej príležitosti zostavil Alojz Kolísek prácu František Vítězoslav Sasinek. ku 100. narodeninám a uloženiu pozostatkov v Skalici. Skalica 1930.
7. Otčenáš, M.: P. J. Šafárik a historické práce F. V. Sasinka. In: Pavol Jozef Šafárik v Slovenskej a českej slavistike. Red. Petrus, P. Košice 1993, s. 283-288.
8. Tamže, s. 284-285.
9. Pozri Otčenáš, M.: Slovenská historiografia v matičnom období 1863-1875. J. Záborský, F. V. Sasinek, P. Križko, J. Hložník. In: Acta Facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. História III. Spoločenskovedný zborník. Prešov 1994, s. 79-96.
10. Príspevok bol uverejnený v Sokole, roč. 4, r. 1867, č. 10, s. 311-312. S miernymi textologickými zásahmi bol uverejnený aj v práci Otčenáš, M.: František Vítězoslav Sasinek. (Príspevok k jeho životu a dielu). Košice, Slovo 1995, s. 75-78.
11. Tamže, s. 75-76.
12. Tamže, s. 76-77.
13. Tamže, s. 78.
14. Vyšla v Odese v r. 1905.
15. Sedlák, I.: V čierťaziach búrok. Martin 2001, s. 270.
16. Sasinek, F. V.: Dejiny počiatkov terajšieho Uhorska. Skalica 1868, s. 183-199.
17. Die Russen Ungarns. Parlamentär 1887, č. 39; Geschichte Russlands. Parlamentär 1888, č. 26.
18. Sasinek, F. V.: Uhorskí Rusi. In: Slovenské pohľady, 1906, č. 11, s. 637.
19. Tamže, s. 639.
20. Tamže, s. 643.
21. Tamže, s. 643.
22. Tamže, s. 643-644.
23. Svet, roč. 4, 1870, č. 33 – podľa Sedlák, I.: V čierťaziach búrok. Martin 2001, s. 270. Porovnaj ďalej Danilák, M.: Anatolij Kralyckij a Slováci. In: Dar služiti nauci. Naukový zbirnyk na počtanu doktora istoryčnych nauk, profesora Volodimira Zadorožneho. Užhorod 2001, s. 424-430.
24. Pozri Danilák, M.: Ukrajinské dejiny v slovenskej historiografii. In: Zborník príspevkov z konferencie učiteľov dejepisu stredných škôl a metodikov dejepisu základných škôl Košického a Prešovského kraja 26. apríla 2000 v Prešove. Eds. Hudečková, V., Otčenáš, M. Prešov 2000, s. 95-106.

ПЕРЕПИСКА П.Й.ШАФАРИКА И М.П.ПОГОДИНА КАК ФАКТОР ЧЕШСКО-РУССКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ В XIX В.

ЛАПТЕВА Л.П. (Москва)

Научные связи между русскими и другими славянскими учеными в XIX в. являются важнейшим фактором в развитии славяноведения. В первой половине XIX в., когда в России происходило становление науки о славянах, контакты со славянским миром стали одним из условий успешного продвижения вперед в этой области.

Наблюдаются различные формы русско-славянских связей. В их числе: путешествия русских ученых в славянские страны с целью ознакомления с их языками, литературой, культурой, письменными памятниками; заграничные командировки молодых славистов с целью профессиональной подготовки для последующей организации изучения славян в рамках университетских кафедр и в научных исследованиях; установление контактов со славянскими

учеными и дальнейший обмен мнениями между русскими и славянскими деятелями с помощью корреспонденции; обмен книгами и информацией о новинках в области славяноведения как в России, так и у зарубежных славян.

Особое место в русско-славянских связях в указанный период занимают русско-чешские контакты. Чехия в первой половине XIX в. была центром славистических исследований. Здесь уже сложилась школа крупных славистов, изучавших общеславянские проблемы, в то время как у других славян внимание было направлено в основном на изучение языка, литературы и прошлого своего народа, что диктовалось самой эпохой национального возрождения славянских народов. Прага была также центром, где в библиотеке Национального

музея – благодаря усилиям нескольких поколений патриотов – сосредоточилась литература о славянах, были собраны рукописи и другие памятники письменности славянской культуры. Среди чешских – особенно пражских – ученых было много образованных и эрудированных в области славяноведения личностей, разделявших идею славянской культурной взаимности и считавших необходимым поделиться своими достижениями с другими славянами.

Наиболее интенсивными были ученые контакты русских ученых с выдающимся чешским славистом словацкого происхождения П.И.Шафариком, что подтверждается его активной перепиской с российскими деятелями. Эту корреспонденцию собрал и опубликовал в Праге в 1927-1928 гг. русский славист В.А.Францев в двух объемных томах¹. В литературе о П.И.Шафарике упоминаются его русские связи. В ряде работ, особенно в сочинениях русских авторов, говорится и о его переписке, цитируются отдельные письма с большей или меньшей полнотой. Однако вся корреспонденция Шафарика с русскими учеными еще не проанализирована. Между тем, фрагментарные исследования писем – в зависимости от того, как их части и высказывания подходят под общую концепцию или частные задачи сочинений о Шафарике, подчас создавала одностроннюю, а иногда и искаженную, картину отношений Шафарика с русскими славистами. Так, в чешской и словацкой литературе главное внимание уделялось тем сведениям, которые свидетельствуют об изучении первыми русскими стипендиатами чешского языка под руководством Шафарика, о его наставлениях в разыскании и анализе памятников письменности и т.д. Особенной популярностью в чешских сочинениях о чешско-русских связях пользуется письмо К.Гавличека-Боровского из Москвы, где он рассказывает об экзамене, проведенном профессором Московского университета О.М.Бодянским по славяноведению на основе главных произведений Шафарика – его «Славянских древностей» и «Славянской этнографии».

Этот и другие подобные факты действительно имели место, но они недостаточны для заключения о том, что все русские слависты были учениками П.И.Шафарика и что русское славяноведение в целом обязано своим развитием именно этому обстоятельству. В действительности, подлинным учеником и эпигоном Шафарика можно назвать О.М.Бодянского. Что же касается, например, И.И.Срезневского, то он, пройдя пешком по славянским землям, приобрел столько сведений о языке, литературе и этнографии славян, что уже через год после начала своего путешествия мог вносить существенные поправки в ставшие классическими сочинения чешского ученого. Что касается такого русского слависта, как П.И.Прейс, то он еще до

знакомства с Шафариком имел много критических замечаний к «Славянским древностям» и к «Славянской этнографии». Это же можно сказать в отношении В.И.Григоровича, который не только не брал у Шафарика никаких уроков, но, напротив, самостоятельно пришел к выводам относительно древности славянской азбуки; к его точке зрения Шафарик только присоединился².

Переписка Шафарика с русскими учеными свидетельствует о том, что отношения между славистами характеризовались взаимным сотрудничеством во имя развития науки о славянах. Наибольшее количество писем Шафарика в Россию сохранилось у М.П.Погодина (1800-1875), известного русского историка, профессора Московского университета и публициста. В.А.Францев опубликовал 178 писем чешского ученого к русскому. Писем Погодина к Шафарику сохранилось около 32, некоторые лишь во фрагментах. Как известно, Шафарик уничтожил значительную часть всей своей корреспонденции. Его сын Войтех писал: «Письма своих иностранных друзей и ученых в количестве нескольких тысяч мой отец полностью уничтожил, особенно в 1848 г., когда начались преследования, аресты и ночные обыски людей совершенно невинных, и отчасти в 1857 г., в период своей душевной болезни. Лишь незначительное число их – от Погодина, Прейса, Срезневского, Бодянского, Кукулевича, Берчича и др. помещаются в Отделе рукописей (библиотеки Национального музея – Л.Л.)»³.

М.П.Погодин, собиратель материалов о прошлом России и других славянских стран, был яркой фигурой в умственной жизни России дореформенного (да и пореформенного) периода. Его творчество многократно характеризовалось в исторической литературе, причем оценки не раз менялись. В последние годы XX в. интерес к личности Погодина, перед тем ослабевший, возобновился; ему посвящены и новые монографии⁴. Славистическая его деятельность оценивается в неопубликованной диссертации Е.В.Широковой⁵.

Отец М.П.Погодина был крепостным домоправителем графа Строганова, отпущенным на волю в 1806 г. Будущий историк окончил одну из московских гимназий, а в 1821 г. – Московский университет. В 1825 г. он стал магистром русской истории, в 1833 г. – ординарным профессором Московского университета, где преподавал русскую (а в первые годы работы и всеобщую) историю с 1828 по 1844 гг. Активная научная и общественная деятельность принесла ему в 1841 г. звание академика⁶.

Интерес Погодина к «истории славян и всему славянскому» пробудился, по его собственным словам, очень рано. «Я не помню, – писал он, – когда начал любить славян. Кажется, я родился с этой любовью»⁷. В 1824 г. Погодин, по предложению Н.П.Румянцева, перевел на русский язык труд

Й.Добровского о Кирилле и Мефодии⁸. В 1833-1834 гг. он, вместе с С.П.Шевыревым, издал перевод труда Й.Добровского о грамматике древнеславянского языка⁹. Погодин не только переводил труды Й.Добровского, но и пропагандировал знания о славянах в журнале «Московский вестник», поддерживал и стремления других лиц изучать славян. В 1829 г. Погодин за свой счет опубликовал сочинения Ю.И.Венелина о болгарях¹⁰, а в следующем году «устроил путешествие Венелина в Болгарию на счет Российской Академии – через С.Т.Аксакова, который, вместе с князем Шаховским, склонил к этому акту председателя А.С.Шишкова, приехавшего в ту пору лечиться в Москву на воды»¹¹.

В 1835 г. Погодин совершил свое первое заграничное путешествие. Около трех недель он провел в Праге, где познакомился с деятелями чешской культуры и национального возрождения, в том числе и с Шафариком, который именно в этот период времени заканчивал свой многолетний труд «Славянские древности», ставший вскоре знаменитым¹².

По возвращении в Россию Погодин опубликовал, в форме писем министру народного просвещения, отчет о своем путешествии¹³ и таким образом познакомил русских читателей с занятиями и трудами славянских ученых. Погодин также установил переписку с новыми славянскими друзьями. В свои лекции по русской и всеобщей истории Погодин вводил и славянский материал, широко используя труды Шафарика при характеристике древнего славянства. Погодин хлопотал об организации перевода на русский язык «Славянских древностей» Шафарика, и часть этой книги была опубликована в России сразу же вслед за чешским изданием. Вообще, с Шафариком у Погодина сложились особенно тесные связи и доверительные отношения. Ученые договорились о взаимной помощи в разработке славистических проблем. Она должна была выражаться в обмене книгами, информацией, новинками литературы и т.д. Так, в 1835 г. Шафарик высказал свои пожелания в специальной записке, где имеются следующие слова: «Я прошу моего друга (т.е. Погодина – Л.Л.) периодически сообщать мне по почте обо всех важных, выходящих в России книгах по предмету истории, исторической географии и славяно-русского языкознания. То из этих книг, что могло бы мне быть полезным для моих занятий славянскими языками и славянской историей, а также для издания соответствующих работ, я прошу мне доставлять в обмен на книги, выходящие у нас, или за деньги». «Я хотел бы иметь все, что публикует Востоков, – продолжает чешский ученый, – затем – все старые хроники и анналы, все критические журнальные статьи и т.п.». Изложив и другие свои пожелания, Шафарик заканчивает свой перечень просьбой: «С грамот из Валахии и Болгарии,

привезенных Венелиным, факсимиле которых у Вас в Москве уже есть, прошу изготовить мне точные копии (сохраняя и аббревиатуры) и выслать также возможно скорее. Тогда я мог бы их еще учесть в своей работе о староболгарском диалекте, выходящей в свет этой зимой. При том я с благодарностью отмечу заслуги Венелина»¹⁴.

А 26 сентября 1835 г. Шафарик писал Погодину: «Я ныне лишь повторяю просьбу, чтобы Вы по возможности не забыли, сразу же, по Вашем прибытии в Москву, выслать мне по почте копии старинных болгарских грамот, привезенных из путешествия г. Венелиным»¹⁵. Вскоре, 2 октября 1835 г., чешский ученый еще раз выражает аналогичное пожелание: «Если Вы хотите, чтобы моя «Булгарика» вышла в свет скорее, высылайте мне срочно обещанные Вами точные копии древнейших привезенных г. Венелиным болгарских грамот. Перед сдачей моего рассуждения в печать я бы очень хотел расширить базу моих источников»¹⁶.

Таким образом, чешский ученый высоко ценил найденные и переписанные Венелиным болгарские грамоты. Также и М.П.Погодин пишет П.Й.Шафарика 28 января 1836 г.: «Посылаю Вам... список с некоторых мест болгарских грамот, которые переписал для Вас г. Венелин»¹⁷. Эта переписанная самим Венелиным копия, подписанная его именем, опубликована В.А.Францевым в 1928 г.¹⁸.

После смерти Венелина Шафарик всячески поддерживал усилия по изданию упомянутых грамот и выражал горячее желание приобрести их опубликованный сборник. 29 сентября 1840 г. он писал Погодину: «Итак, вышли в свет «Грамоты» Венелина. Я прошу Вас доставлять мне подобные представляющие особый интерес издания каким-то кратчайшим и быстрейшим путем»¹⁹.

Анализ переписки двух ученых показывает, что основная научная информация шла к Шафарика именно от Погодина. Работая над «Славянскими древностями», Шафарик ощущал постоянный дефицит в источниковой базе и просил Погодина как можно обильнее снабжать его книгами, выписками из летописей и других памятников. 20 марта 1836 г. Шафарик писал своему русскому коллеге: «С нетерпением и надеждой ожидаю от Вас помощи в моей работе в форме любезно обещанной Вами доставки нужных мне книг. Теперь от Вас и Ваших московских друзей будет зависеть, выйдет ли моя работа (особенно раздел о северных славянах) в законченном виде, или нет... Чем обильнее окажется то, что Вы и Ваши друзья для меня соберете, тем полнее выйдет мой труд. Если я получу книги до сентября или октября текущего года, то смогу использовать материал из них еще и для 2-го периода моего Первого (исторического) отдела (годы 170-1000), так как для первого периода эти книги нужны мне меньше; а какая помощь будет мне

для II отдела! Если «Киевская хроника» князя Оболенского до тех пор не будет полностью готова, то вышлите мне хоть отдельные готовые листы и сброшюрованные тетради»²⁰.

О том, что Погодин удовлетворял просьбы своего пражского коллеги, свидетельствует письмо последнего от 17 декабря 1836 г.: «Книги, которые Вы мне прислали, — сообщает Шафарик, — отнимают у меня и день и ночь, то есть больше, чем позволяет мне здоровье и особенно глаза. Более всего важны мне летописи (Нестор и его продолжатели), «Достопамятности», «Древняя гидрография», «Собрание государственных грамот», сборник Муханова и другие, то есть старинные и древнейшие источники и документы. Что за сокровища, что за клады для исследователей и знатоков!! ... Таких сокровищ, какими обладают в сфере наших древностей русские, нет у всех остальных славян вместе взятых. У нас там и сям только сухие листья, у Вас — целые древние леса; у нас скудные золотые зерна в илистой жиже, у Вас — целые самородные вселенские массивы... При столь большой важности Ваших нордических источников и памятников для моих исследований я уж буду просить Вас ... позаботиться о том, чтобы доставить мне и то, чего у меня еще нет, что потребуется мне по мере продвижения моих исследований. Я даже позволю себе в конце этого письма приложить примерный список кое-каких изданий, которых мне не достает»²¹.

Переписка между Погодиным и Шафариком содержит богатейшие сведения о том, какие книги, документы и другие материалы получал от Погодина чешский ученый. На наш взгляд, без этих сведений (как, впрочем, и без материалов других русских ученых), многие произведения Шафарика едва ли могли быть написаны в таком виде, как прочитали их современники и потомки.

Погодин помогал Шафарика не только научными материалами, но и денежными средствами. Так, собрав среди русских ученых, писателей и своих знакомых 500 рублей, он отправил их Шафарика, а тот 23 мая 1836 г. написал: «Вексель, за который я сердечно благодарю Вас, как и неизвестных моих доброхотов, был мне выплачен наличными и полностью. Половину я употреблю на ускоренное печатание моего труда, которое должно начаться на следующей неделе. Без Вашей субсидии я натолкнута бы на трудности с немедленным началом печатания, поскольку подписка идет — против ожиданий — очень плохо. Правда, музей оплачивает стоимость 200 экземпляров, но это не покрывает полностью и двух третей всех расходов на печатание. Теперь же все в порядке... Вторую половину субсидии я употреблю на поездку в Теплиц, ... чтобы полечить ваннами мою подагру»²².

Денежную помощь Погодин оказывал Шафарика неоднократно. Ровно через год, 23 мая 1837 г.,

Шафарик пишет: «Если позволят обстоятельства, то Вы бы меня весьма обрадовали, если бы доставили обещанные 500 рублей возможно скорее, в виде займа, чтобы я мог их Вам вернуть, когда мое положение улучшится. Я сейчас озабочен расходами на 6-ю сшивку «Старожитностей», а задерживать ее нельзя, это ведь часть 1-го тома»²³. А 18 июля того же года чешский ученый извещает своего русского друга: «Уже 7-го числа этого месяца до меня благополучно дошло Ваше письмо, ... и вексель был без промедления выплачен... Тем самым обеспечено завершение «Старожитностей» уже в течение этого лета; а без этой помощи 6-я сшивка в этом году никак не могла бы выйти»²⁴.

1 июля 1838 г. Шафарик пишет Погодину «Добротой Вашей и всех друзей, которым я почтеннейше рекомендуюсь, обязан я тем, что теперь находясь в состоянии использовать и в полной мере употребить все средства для поправки здоровья. Вексель был здесь оплачен без промедления. Собираюсь провести дни с 3 июля по 6 августа в Карлсбаде и Теплице»²⁵.

М.П.Погодин также публиковал в журналах отрывки из писем к нему Шафарика и сообщения о работе чешского ученого над «Славянскими древностями», о трудностях, связанных с их изданием²⁶ и другие подобные сведения. 8 марта 1837 г. Шафарик писал: «Сегодня посылаю Вам работу о Чернобоге с просьбой немедленно ее перевести и опубликовать в одном из русских журналов»²⁷, а 22 апреля того же года Шафарик упрекает своего «дражайшего друга»: «Вы ни словом не упоминаете о русском переводе (имеются в виду «Славянские древности». — Л.Л.). Мне же хотелось бы, чтобы он осуществился — в противном случае мои усилия и труды наполовину напрасны»²⁸.

Именно благодаря Погодину русская публика узнала о чешском ученом и его сочинениях. Содействовал Погодин и установлению контактов Шафарика с другими русскими учеными²⁹.

В общем, Погодин снабжал П.И.Шафарика необходимыми для последнего изданиями источников, посылал копии с летописей, евангелий и других материалов древнеславянской и древнерусской письменности, делал для него факсимильные снимки, присылал новую (да и старую) литературу по филологии, истории, этнографии и т.д. Таким образом, русский ученый обеспечивал чешского слависта источниковой базой для его исследований. Много содержится в письмах Погодина и научной информации о ходе развития славистики в России.

Что же касается Шафарика, то его письма заполнены, главным образом, просьбами о присылке материалов и нужных для его работы книг. Много в его письмах жалоб на плохое здоровье и низкую материальную обеспеченность. Это последнее обстоятельство побуждало русского ученого

изыскивать средства для оказания денежной помощи его чешскому другу, который, правда, прямо никогда ее не просил, но никогда от нее и не отказывался, всегда подчеркивая ее важность для его научной работы.

Большое место в письмах Шафарика Погодину занимает научная информация чешского ученого о ходе развития славяноведения, как в Чехии, так и в других славянских землях. Благодаря этому Погодин был всегда в курсе того нового, что делалось у зарубежных славян. Некоторые сведения, полученные им от Шафарика, Погодин публиковал в журналах и, тем самым, делал достоянием русской читающей публики. Так, одну из интересных новостей чешский ученый сообщил Погодину 24 октября 1836 г.: «Ободритские памятники у Маша и Потцкого... представляют собой постыдную и подделанную халтуру. Ныне обман раскрыт: подмастерье, который изготовил их для антиквара, ныне 80-летний старик, сам и добровольно это признал, и подтвердил свое показание под присягой... Я рад, что дело выяснилось; ибо эти чудовищные изображения идолов и проч., если бы они были подлинные, вызывали бы лишь чувство стыда за нас, славян... Следовательно, если Вы хотите что-то вставить насчет древних надписей, и еще что-то об этом написать, то прошу Вас действовать с осторожностью. Мы должны сначала собрать побольше материалов и проверить их, чтобы прийти к окончательным результатам»³⁰.

А в 1857 г., когда начался процесс разоблачения подделок чешских «древних памятников, на защиту подлинности которых Шафарик положил много сил, он писал Погодину: «Теперь кое-что только для Вас. Музей был вынужден учредить беспристрастную комиссию для проверки подлинности нескольких древнечешских фрагментов. На первых двух заседаниях, где я присутствовал, два старых фрагмента самым жалким образом провалились. Это – постыдные подлоги, и имя фальсификатора не является неразрешимой загадкой. Комиссия будет продолжать свою работу и, без сомнения, провалятся еще многие, якобы древние, памятники, но об этом следует молчать, пока комиссия не опубликует результаты своей работы. Итак, в дополнение к другим потерям еще и этот позор!»³¹.

Но самое большое число информационных сообщений Шафарика относятся к литературным новинкам. Так, 18 июля 1837 г. Шафарик замечает «Самая важная новинка – это небольшая, только что вышедшая работа Коллара «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянскими»³². И далее: «Ученый и усердный Палацкий издал описание своего путешествия в Италию»³³. Из «Чешского словаря» Юнгмана вышла 2-я сшивка 4-го тома... В будущем (1839 – Л.Л.) году выйдет завершающий 5-й том... Иностранцы

периодические издания недавно поместили интересное сообщение о находке древних рукописей в Черногории. Пишут, что эти рукописи содержат старые хроники о славянах и куплены сербским князем Милошем. Впрочем, все сообщение весьма подозрительно и очень нуждается в подтверждении». Так писал Шафарик 3 апреля 1838 г.³⁴. И далее: «Палацкий в ноябре был в Риме; зиму он проведет в Неаполе. Из его «Истории» сейчас в печати второй том... Словарь Юнгмана будет закончен печатанием в мае или июне 1839 г. Как я слышал, 2 том «Дипломатария» Бочка должен выйти в свет скоро. Колларова «Слава Богини» отпечатана, но у нас еще не появилась. Иллирийская типография в Аграме выпускает некоторые ценные мелочи беллетристического характера», – говорится в письме от 8 декабря 1838 г.³⁵. А в письме от 14 июля 1839 г. читаем: «Вышел в свет 2-том «Дипломатария» Бочка. Также и 2-й том «Истории» Палацкого. Мацеёвский сейчас в Карлсбаде. Вышла и «Богиня Славы» Коллара, но я еще не успел ее прочитать»³⁶.

26 декабря 1839 г. Шафарик сообщает Погодину: «Челаковский издал собрание прелестных песен – подражание народным чешским – под названием «Оглас чешских писни». Другое его еще более интересное собрание «Руже столиста», то есть «Столистая роза», находится в печати. Кроме того, он усердно работает над этимологическим словарем. Я сейчас вместе с Палацким занят завершением нашей работы для Королевского общества наук – «Старейшие памятники чешского языка». Надеюсь закончить рукопись к середине января, после чего она сразу же должна поступить в цензуру и в типографию. Оригиналы «Сеймы» и «Евангелие» полностью литографированы. Кроме того, здесь же будут отпечатаны глоссы к «Матер верборум», все это будет снабжено критическим комментарием, перепроверено и истолковано»³⁷.

7 мая 1841 г. Шафарик сообщает Погодину: «В чешской литературе царит большое оживление. В поэзии выделяются стихотворения Болеслава Яблонского... Тыл продолжает своего «Властимила» – это периодическое издание назидательного и развлекательного содержания. Также и Малы(й) со своей «Денницей» – аналогичного характера. «Илиада» переводится Влечком весьма точно, в гекзаметрах... «Малые работы» Юнгмана напечатаны уже до 20-го листа. Это великолепное собрание как стихотворных, так и прозаических произведений, созданное рукой старого мастера». Затем автор письма извещает своего русского коллегу о новинках литературы у других славян: «В Венгрии Гамуляк объявил подписку на собрание сочинений Гоголя в 4-х томах. Штур в Пресбурге готовит различные издания, в первую очередь продолжение приостановленного журнала «Татранка». Также и старый

профессор Палкович хочет опубликовать еще несколько подготовленных им трудов. Здесь, в Праге, только что вышла книга Я.П.Иордана «Грамматика вендско-сербского языка в Верхней Лужице. По системе Добровского». 1841 (нем.). Книга весьма полезна. Ганка работает над своим карманным словарем чешского языка... В Лайбахе вышли славонские народные песни в двух выпусках... «Аналогичной» орфографией Гая до сих пор напечатаны всего три книжки в Лайбахе, в том числе «Песни» покойного Водника и одна драма. В Аграме выходит собрание иллирийских драм в 10 выпусках... Там же сейчас открывается иллирийский театр»³⁸.

В настоящей статье приведены лишь некоторые примеры из множества сообщений Шафарика о литературной и духовной жизни зарубежных славян. Такие сведения были важны не только для Погодина, но и для всего русского славяноведения первого (дореформенного) периода его развития. При узком круге русских славистов всякие сведения от славян из-за границы быстро становились достоянием всех заинтересованных лиц и держали их в курсе развития современной славистики зарубежом.

Отметим, что в переписке Шафарика и Погодина почти не затрагиваются политические проблемы, что, видимо, объясняется не только влиянием русской и австрийской цензуры, но и разницей в мировоззрении обоих ученых. В письмах Шафарика содержатся лишь некоторые общие упоминания о событиях в Чехии в 1848 г., о Славянском съезде в июне 1848 г. в Праге и о некоторых других моментах. Из ряда высказываний чешского ученого можно сделать вывод, что его взгляды на окружающую действительность были лишены всякого радикализма и отличались умеренностью. Все невзгоды своей жизни Шафарик объяснял «волей Божьей», а успехи в карьере, например, назначение цензором или преподавателем славистики в Пражском университете – милостью австрийского императора. В то же время, некоторые сведения, содержащиеся в письмах Шафарика, наводят на мысль о том, что результаты революционных событий в Чехии 1848-1849 гг. оцениваются в отечественной, да и в чешской историографии XX века несколько однобоко. Эти результаты подчас представляются как крах всех национальных чаяний чехов и других славян, а «баховский абсолютизм» – как время террора и усиления преследований славянских национальных деятелей. В действительности же, Габсбургская монархия, отвергнув идею австрославизма, пошла на некоторые уступки славянам. К ним относится, например, расширение прав и функций чешского языка. Так, 29 июля 1849 г. Шафарик пишет Погодину: «Собираюсь выехать на некоторое время в

Вену, спешу послать Вам еще несколько строк. При новой организации судебного дела наше правительство признало необходимым решить вопрос об употреблении славянского языка в суде и в законодательстве. В связи с этим следует зафиксировать нормы судебной терминологии. Для этой цели в Вене созвана комиссия, руководство которой поручено мне»³⁹.

Оживилась и литературная деятельность после революции. В том же письме читаем: «У нас люди постепенно возвращаются к нормальной прежней жизни. Матица Чешская набирает силу и вновь немало издает, например: Юнгман. История чешской литературы (2-е издание); Коменский. Дидактика; Томек. История Пражского университета – и т.д.».

Весьма интересные сведения имеются в письмах Шафарика о судьбе австрийских славистов: «Миклошич, Коллар и Шембера ныне получили в Вене места экстраординарных, а частично даже и ординарных профессоров... Челаковский и Ганка в качестве доцентов преподают здесь славистику... Пуркине приедет на Пасху...», – говорится в письме от 15 января 1850 г.⁴⁰. Как можно заключить из этих фактов, австрийское правительство понимало значение славянских ученых и даже подкармливало тех, которые проявляли полную лояльность к Габсбургам или ограничивались малозначительной фрондой. Ничего подобного не наблюдалось до революции 1848–1849 гг., хотя все упомянутые славянские ученые приобрели известность именно в дореволюционный период.

Что же касается активных австрославистов, типа Палацкого, и, тем более, радикальных или умеренно-радикальных, вроде К.Гавличека-Боровского, то от таких элементов правительство избавлялось разными средствами, не исключая и репрессий. Гибкую политику в отношении славян оно проводило и позднее, чем добилось относительной стабильности в обществе, без революционных потрясений такого рода, какие произошли в 1848-1849 гг.

Заключая изложение материала о переписке Шафарика и Погодина и оценивая его значение для развития славяноведения, следует прежде всего подчеркнуть, что в настоящей статье этот материал далеко не исчерпан. Но и приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. славяноведение могло развиваться только при активном сотрудничестве славянских и русских ученых. Богатая источниковая база, сохранившаяся в архивах и библиотеках России, явилась необходимым условием развития славянского языкознания, решения главной задачи науки о славянах в ее филологический период. И если Шафарик удалось продолжить дело Добровского и стать корифеем славяноведения в XIX веке, то этому он обязан источниковой базе,

дислоцировавшійся в Росії, а свідення об цих джерелах йому доставляли російські учені і, в першу чергу, – М.П.Погодин. В той же час праці Шафарика, його ідеї і рекомендації,

практична допомога молодим російським ученим славистам забезпечили внесок в прогресивне розвиток російського славянознавства в 30-е–50-е роки ХІХ століття.

ЛІТЕРАТУРА

1. Korespondence Pavla Jozefa Šafařika / Vydal V.A.Francev. I. Vzájemné dopisy P.J.Šafařika s ruskými učenici (1825-1861). Č. I-II. Praha, 1927-1928.
2. См. об этом: *Лантева Л.П.* Связи В.И.Григоровича с П.Й.Шафариком (по данным переписки) // *Studia bohemica. К 70-летию Сергея Васильевича Никольского.* М., 1992. С. 73–83.
3. Цит. по: Korespondence... И. II. S. 486.
4. Например: *Петров Ф.А.* М.П.Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995; *Умбрашко К.Б.* М.П.Погодин. Человек. Историк. Публицист. М., 1999.
5. *Широкова Е.В.* П.Й.Шафарик и М.П.Погодин. К вопросу о чешско-русских научных связях в 30-60-е годы ХІХ в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1999 (на правах рукописи).
6. Общие сведения о М.П.Погодине имеются в справочной литературе, а также см.: *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в ХІХ – начале ХХ века. М., 1997. С. 31-39.
7. Московские университетские известия. 1871. №9. С. 205-209.
8. Вышла под названием: Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. Историко-критическое исследование Иосифа Добровского. М., 1825.
9. *Dobrovský J.* Institutiones Linguae Slavicae. Vindobonae, 1822. В русском переводе: *Добровский И.* Грамматика языка словенского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого вероисповедания и далматско-глаголиты римского вероисповедания имеют церковные книги... Ч. I-III. СПб., 1833-1834.
10. *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к Россиянам. М., 1829.
11. *Попов Н.А.* Предисловие // Письма к М.П.Погодину из славянских земель (1835-1861). Вып. 1. М., 1879. С. III.
12. *Šafařik P.J.* Slovanské starožitnosti. D. 1-2. V Praze, 1837.
13. Письмо ординарного профессора Московского университета Погодина к г. Министру Народного Просвещения – из Германии от 4/16 сентября 1835 г. // *ЖМНП.* 1835. №9. С. 544-558. Последующие письма Погодина Министру см.: *ЖМНП.* 1836. №7. С. 203-207; №9. С. 671-675.
14. Korespondence... И. II. S. 492.
15. Ibid. S. 490.
16. Ibid. S. 493-494.
17. Ibid. S. 499.
18. Ibid. S. 500-501.
19. Ibid. S. 621.
20. Ibid. S. 507-508.
21. Ibid. S. 531.
22. Ibid. S. 509-510.
23. Ibid. S. 543.
24. Ibid. S. 546.
25. Ibid. S. 565.
26. *ЖМНП.* Ч. XIV. 1837. Отд. IV. С. 277.
27. Korespondence... Č. II. S. 537.
28. Ibid. S. 540.
29. Подробнее об этом см.: *Лантева Л.П.* Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины ХІХ в. // *Вестник Московского университета.* Сер. 8. История. №1. С. 10-21.
30. Korespondence... И. II. S. 524. Подробно об этом см.: *Лантева Л.П.* Неопубликованные письма Яна Коллара в Центральном Государственном Историческом Архиве России в Санкт-Петербурге // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения. М., 1993. С. 74-86.
31. Korespondence. И. II. S. 795. Подробнее см.: *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России ХІХ и начала ХХ вв. // *Studia Slavica Hungarica.* XXI. 1975. S. 67-94.
32. Korespondence... Č. II. S. 548.
33. Упомянутые работы Коллара и Палацкого тогда же были переведены на русский язык.
34. Korespondence... Č. II. S. 558.
35. Ibid. S. 579.
36. Ibid. S. 586.
37. Ibid. S. 604. Отметим, что тогда Шафарик был уверен в подлинности чешских «древних» памятников; упомянутой работой он способствовал утверждению этой веры среди славянской интеллигенции.
38. Korespondence... Č. II. S. 638-639.
39. Ibid. S. 723.
40. Ibid. S. 726-727.